

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800024641-1

Как соотносятся “индивидуальные речевые системы” и “языковая система” в концепции Л. В. Щербы

© 2023 г. М. Ю. Федосюк

Доктор филологических наук,
профессор Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13
m.fedosyuk@yandex.ru

Резюме. В статье рассматривается соотношение понятий “индивидуальные речевые системы” и “языковая система” в лингвистической концепции Л.В. Щербы. Как показывает Л.В. Щерба, важнейшим ресурсом, обеспечивающим речевую деятельность человека, является не абстрактное знание системы языка, а языковой материал, представляющий собой совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы. В той мере, в какой языковой материал получает отражение в памяти каждого отдельного носителя языка, он формирует индивидуальные речевые системы, обеспечивающие каждому человеку способность к рецепции и продукции речи. Рассматриваемый же во всей своей совокупности языковой материал создает основу для описания языковых систем, т.е. для составления словарей и грамматик данного языка. Индивидуальные речевые системы – явление психологическое, поэтому в план содержания единиц этих систем входят, с одной стороны, чувственные образы, возбуждаемые в сознании носителей языка этими единицами, а с другой – знания носителей языка об обозначаемых объектах. Что же касается языковых систем, то в концепции Л.В. Щербы это вербальные описания языка, и потому описание плана содержания языковых систем должно носить преимущественно словесный характер. В статье показано, что любые попытки описания языковой системы на основе всего существующего языкового материала на практике недостижимы. Обычно словари и грамматики составляются на основании ограниченного числа употреблений языковых единиц, которые отражают индивидуальные речевые системы некоторой части носителей языка. При составлении толковых словарей это обстоятельство может вызывать появление не вполне корректных толкований, обусловленное недостаточным количеством использованного языкового материала или ошибками, допущенными при его обобщении.

Ключевые слова: Л.В. Щерба, речевая деятельность, языковой материал, языковая система, индивидуальные речевые системы, толкования слов.

Для цитирования: Федосюк М.Ю. Как соотносятся “индивидуальные речевые системы” и “языковая система” в концепции Л.В. Щербы // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 1. С. 17–23. DOI: 10.31857/S160578800024641-1

On How “Individual Speech System” and “the Language System” Relate in Lev Shcherba’s Conception

© 2023 Mikhail Yu. Fedosyuk

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the M.V. Lomonosov Moscow State University,
1–13, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
m.fedosyuk@yandex.ru

Abstract. The article discusses the relationship between the concepts of “individual speech systems” and “language system” in the linguistic conception of Lev Shcherba. As shown by Shcherba, the most important resource that ensures human speech activity is not an abstract knowledge of the language system, but the language material, which is the totality of everything spoken and understood in a certain specific situation in one or another era of life of a given social group. To the extent that language material is reflected in the memory of each individual speaker, it forms individual speech systems that provide each person with the ability to receive and produce speech. Considered in its entirety, the linguistic material creates the basis for describing language systems, i.e., for compiling dictionaries and grammars of a given language. Individual speech systems are a psychological phenomenon; therefore, the content of these systems’ units includes, on the one hand, sets of sensory images aroused in the minds of individual native speakers by these units, and on the other hand, the knowledge of these speakers about the designated objects. As for language systems, then, according to Shcherba, these are verbal descriptions of language, and therefore the description of content of elements of language systems should be predominantly verbal. The article shows that any attempts to describe the language system on the basis of all existing language material are unattainable in practice. Usually dictionaries and grammars are compiled on the basis of limited number of uses of language units that reflects the individual speech systems of a certain number of native speakers. When compiling explanatory dictionaries, this circumstance causes the appearance of not quite correct interpretations of words, due to the insufficient amount of language material used or errors made in its generalization.

Key words: Lev Shcherba, speech activity, language material, language system, individual speech systems, word interpretations.

For citation: Fedosyuk, M.Yu. *Kak sootnosyatsya “individual’nye rechevye sistemy” i “yazykovaya sistema” v koncepcii L.V. Shcherby* [On How “Individual Speech System” and “the Language System” Relate in Lev Shcherba’s Conception]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 1, pp. 17–23. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800024641-1

1. К постановке проблемы

Как известно, стремясь, во-первых, более точно охарактеризовать явления языка с психофизиологической точки зрения, а во-вторых, обосновать введение в научный оборот метода лингвистического эксперимента, Л.В. Щерба предложил разграничивать среди языковых явлений “речевую деятельность”, “языковую систему” и “языковой материал”. Однако, хотя статья Л.В. Щербы и называется “О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании”, в ней прослеживается еще и четвертый аспект — “индивидуальные речевые системы”, к сопоставлению которого с другими аспектами мы и обратимся в этой статье.

Речевая деятельность (ее Л.В. Щерба характеризует как “первый аспект языковых явлений”) определяется им как “процессы говорения и понимания” [1, с. 24]. Анализируя речевую деятельность (однако, как подчеркивает Л.В. Щерба, “не на основании актов говорения и понимания какого-либо одного индивида, а на основании всех (в теории) актов говорения и понимания, имевших место в определенную эпоху жизни той или иной общественной группы” [1, с. 25]), человечество создает словари и грамматики. Их Л.В. Щерба предлагает именовать языковыми системами, отмечая при этом, что языковые

системы представляют собой “второй аспект языковых явлений”. “Правильно составленные словарь и грамматика, — пишет Л.В. Щерба, — должны исчерпывать знание данного языка. Мы, конечно, далеки от этого идеала; но я полагаю, что достоинство словаря и грамматики должно измеряться возможностью при их посредстве составлять любые правильные фразы во всех случаях жизни и вполне понимать все говоримое на данном языке” [1, с. 25–26].

«Словарь и грамматика, т.е. языковая система данного языка, — читаем мы далее, — обыкновенно отождествлялись с психофизиологической организацией человека, которая рассматривалась как система потенциальных языковых представлений. В силу этого язык считался психофизиологическим явлением, подлежащим ведению психологии и физиологии. Однако при этом прежде всего забывали то, что все языковые величины, с которыми мы оперируем в словаре и грамматике, будучи концептами, в непосредственном опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания, которые я называю в такой их функции “языковым материалом” (третий аспект языковых явлений). Под этим последним я понимаю, следовательно, не деятельность отдельных индивидов, а совокупность всего говоримого

и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы. На языке лингвистов это "тексты" (которые, к сожалению, обыкновенно бывают лишены вышеупомянутой обстановки); в представлении старого филолога это "литература, рукописи, книги"» [1, с. 26].

«Что же такое сама языковая система? — резюмирует свои рассуждения Л.В. Щерба. — По-моему, это есть то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в индивидуальных речевых системах, возникающих под влиянием этого языкового материала. Следовательно, в языковом материале и надо искать источник единства языка внутри данной общественной группы» [1, с. 28]. Трудно не заметить, что здесь в рассуждениях ученого появляется термин индивидуальные речевые системы, который можно было бы считать обозначением еще одного, четвертого, языкового явления в концепции Л.В. Щербы. И если статуса четвертого языкового явления у этого термина нет, то, возможно, по причине колебаний, которые испытывал Л.В. Щерба, вводя данный термин.

«Прежде всего, — читаем мы у Л.В. Щербы, — возникает вопрос, в каком отношении находится "психофизиологическая речевая организация" владеющего данным языком индивида к этой выводимой лингвистами из языкового материала языковой системе. Очевидно, что она является ее индивидуальным проявлением. В идеале она может совпадать с ней, но на практике организации отдельных индивидов могут чем-либо да отличаться от нее и друг от друга. Их, пожалуй, можно было бы действительно называть "индивидуальными языками", если бы в подобном названии не крылось глубокого внутреннего противоречия, ибо под языком мы разумеем нечто, имеющее прежде всего социальную ценность. <...> Терминологически, может быть, лучше всего было бы говорить поэтому об "индивидуальных речевых системах"» [1, с. 27–28].

Итак, основу владения любым языком в концепции Л.В. Щербы составляет языковой материал, т.е. совокупность всего говоримого и понимаемого на данном языке. При этом, с одной стороны, из хранящегося в памяти каждого из носителей языка языкового материала эти носители выводят свои индивидуальные речевые системы. А с другой стороны, на основе хранящегося в коллективной памяти большинства носителей языка языкового материала лингвисты получают возможность описывать языковую

систему, т.е. составлять словари и грамматики данного языка.

Однако как соотносятся индивидуальные речевые системы носителей языка с языковой системой? Представляется, что этот вопрос заслуживает специального рассмотрения, к которому мы ниже и перейдем.

2. Как устроены "индивидуальные речевые системы"

Представляется, что в наши дни концепцию Л.В. Щербы наиболее активно развивает Б.М. Гаспаров. Он отмечает: "<...> основу языкового умения составляют не абстрактные правила, с помощью которых можно было бы создавать различные построения из языкового материала, — но скорее сам этот материал как первичная данность, усваиваемый в конкретной форме и применительно к конкретным условиям употребления. Языковая память говорящего субъекта представляет собой грандиозный конгломерат, накапливаемый и развивающийся в течение всей его жизни. Она заключает в себе в полусплавленном, ассоциативно подвижном, текучем состоянии гигантский запас коммуникативно заряженных частиц языковой ткани разного объема, фактуры, разной степени отчетливости и законченности <...>" [2, с. 104].

Демонстрируя, что содержательная сторона языкового материала хранится в памяти носителей языка (т.е., по Л.В. Щербе, в индивидуальных речевых системах) преимущественно в форме, с одной стороны, чувственных образов, а с другой — знаний о свойствах именованных объектов, Б.М. Гаспаров пишет: "Начну с простейшего примера. Слово 'трава', будучи употреблено в составе различных знакомых мне выражений, немедленно откликается в моих представлениях целым рядом образных картин: ярко-зеленая трава на поляне, окаймленной лесом; островки редкой, с пролысынами глинистой почвы, травы под стеной дома во дворе; высокая степная трава, нагретая солнцем, пронизанная яркими пятнами полевых цветов" [2, с. 247]. И далее: "Это свойство языкового образа делает возможным образный отклик на любые частицы языковой материи, даже если их значение само по себе не предполагает зрительного и вообще какого-либо материального воплощения. <...> Например, слово 'страх', смысл которого сам по себе не имеет зрительного воплощения, мыслится нами в составе множества коммуникативных фрагментов и их разрастаний, у которых такое воплощение имеется: 'сжался от страха', 'у страха глаза велики',

‘страх заставлял людей отворачиваться и проходить мимо’, ‘ночью на улицах города царил страх’ и т.п. В составе таких более широких образных картин ‘страх’ получает если не прямое, то хотя бы косвенное зрительное воплощение в качестве компонента-аксессуара этих картин” [2, с. 249–250].

3. “Индивидуальные речевые системы” и “языковая система”

Понятно, что описание языковой системы должно представлять собой обобщение как можно большего количества сведений из всего существующего языкового материала, включая и результаты лингвистических экспериментов. Однако в реальности такие описания строятся на материале более или менее ограниченного количества примеров, почерпнутых лингвистами из текстов, которые, естественно, отражают индивидуальные речевые системы отдельных носителей языка. Если речь идет о грамматиках, то в них должно быть обобщено значительное количество употреблений каждой из рассматриваемых грамматических единиц. В словарях же толкование любого слова должно обобщать те чувственные образы и знания, которые ассоциируются с образом звуковой оболочки данного слова в индивидуальных речевых системах достаточного количества носителей языка. Не случайно Л.В. Щерба писал: “Значения слов эмпирически выводятся из языкового материала <...> Но в живых языках этот материал может быть множим без конца, и в идеале значения определяются с абсолютной достоверностью; в мертвых же языках он ограничен наличной традицией” [1, с. 286].

Здесь нам кажется важным подчеркнуть принципиальную разницу в устройстве планов содержания единиц, с одной стороны, индивидуальных речевых систем, а с другой — языковой системы. Как было показано выше со ссылкой на исследования Б.М. Гаспарова, содержательная сторона элементов индивидуальных речевых систем хранится в памяти носителей языка в форме чувственных образов, а также знаний о свойствах обозначаемых объектов. Что же касается языковой системы, то, по утверждению Л.В. Щербы, она представляет собой не что иное, как основу для описания языка посредством словарей и грамматик, и потому план содержания единиц языковой системы должен носить преимущественно вербальный характер. Как показал Б.М. Гаспаров, содержание слова *трава* хранится в его индивидуальной речевой системе в форме целого ряда

различных зрительных образов. Определение же лексического значения слова *трава* как элемента языковой системы представляет собой словесное обобщение этих образов, а также актуальных для всех носителей языка знаний об объекте “трава”. Именно так определено лексическое значение слова *трава* в толковых словарях, например, в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: “Небольшое растение с однолетним мягким и тонким зелёным стеблем” [3, с. 795].

Приведем другой пример. Естественно предположить, что содержание слова *женщина* хранится в индивидуальных речевых системах носителей русского языка как набор многочисленных чувственных образов женщин, отражающих принципиально важные особенности их фигур, внешностей, голосов и одежды. Однако в логически корректных определениях лексического значения слова *женщина* отражено лишь не связанное с этими образами важнейшее знание носителей языка о женщинах: по определению толкового словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, *женщина* — это “лицо, противоположное мужчине по полу, та, к<ото>рая рождает детей и кормит их грудью” [3, с. 187].

К сожалению, на практике “абсолютная достоверность словарей живых языков”, о которой писал Л.В. Щерба, бывает достигнутой далеко не всегда. В одних случаях отсутствие этой достоверности возникает по причине использования лексикографами недостаточного количества материала индивидуальных речевых систем, а в других — из-за некорректного обобщения этого материала.

Иллюстрируя ошибки, обусловленные недостаточным количеством материала, сопоставим толкования прямого значения слова *винегрет* в наиболее известных толковых словарях русского языка, изданных в XX — начале XXI в.:

(1.1) “Приготовляемое с уксусом или без него холодное кушанье из смеси изрезанных на кусочки овощей, яиц, мяса, рыбы” (Словарь Д.Н. Ушакова) [4, т. 1, стб. 294];

(1.2) “Холодное кушанье из мелко нарезанных овощей, мяса или рыбы, яиц с острым соусом” (Словарь С.И. Ожегова) [5, с. 68];

(1.3) “Холодное кушанье из мелко нарезанных овощей с уксусом, маслом и др. приправами” (Малый академический словарь) [6, т. 1, с. 176];

(1.4) “Холодное кушанье из мелко нарезанных овощей, мяса или рыбы, яиц, с соусом, маслом” (Словарь С.И. Ожегова — Н.Ю. Шведовой) [3, с. 80];

(1.5) “Холодное кушанье в виде смеси мелко нарезанных овощей (куда обязательно входит свекла, иногда рыба или мясо), приправленное растительным маслом, уксусом и т.п.” (Большой академический словарь) [7, т. 2, с. 573].

Как видим, все приведенные толкования, за исключением толкования (1.5), для описания современного русского языка недостаточно корректны, поскольку в них отсутствует указание на непереносимое наличие в винегрете свеклы. Этот обязательный признак, отличающий *винегрет* от *салата*, безусловно, входит в индивидуальные речевые системы всех наших современников. Авторы же приведенных выше толкований (1.1)–(1.4), судя по всему, ориентировались на материал индивидуальных речевых систем, получивших отражение в текстах преимущественно XIX в., когда слово *винегрет*, если использовать толкование В.И. Даля, означало “окрошка, но безъ квасу, а съ приправоу уксуса, горчицы и пр., холодное, смѣсь всячины” ([8, т. 1, с. 502]; подробнее см. [9, с. 72–83]).

Еще одним примером некорректного описания языковой системы по причине использования лексикографами недостаточного количества материала индивидуальных речевых систем может служить толкование в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова слова *облучок*. Опираясь на ограниченное количество имевшихся в их распоряжении контекстов, составители этого словаря охарактеризовали слово *облучок* как “то же, что козлы в I знач<ении>” [4, т. 2, стб. 661], т.е. как “передок экипажа, на к<ото>ром сидит кучер” [4, т. 1, стб. 1394]. Между тем, расширение материала индивидуальных речевых систем позволяет установить, что *облучок* – это не сиденье, а “толстая деревянная скрепа, идущая по краям телеги, повозки или огибающая верхнюю часть саней” ([3, с. 422], см. подробнее [9, с. 125–132]).

Переходя к рассмотрению толкований, неполная корректность которых обусловлена не недостаточным количеством материала индивидуальных речевых систем, а плохим обобщением этого материала, сопоставим некоторые из толкований слова *лапа*:

(2.1) “Нога или стопа ноги у животных, а также (разг.) рука человека” (Словарь С.И. Ожегова) [5, с. 321];

(2.2) “Ступня или вся нога у животных и птиц (обычно крупных)” (Малый академический словарь) [6, т. 2, с. 163];

(2.3) “Ступня или вся нога у животных и птиц” (Большой толковый словарь русского языка) [10, с. 487];

(2.4) “У животных – ступня ноги с пальцами или вся нога целиком” (Словарь Д.Н. Ушакова) [4, т. 2, стб. 24].

(2.5) “Стопа ноги или вся нога у животных, имеющих подвижные конечные члены – пальцы, а также (прост.) о руке (реже о ноге) человека” (Словарь С.И. Ожегова – Н.Ю. Шведовой) [3, с. 313].

Очевидно, что индивидуальные речевые системы подавляющего большинства носителей русского языка включают в себя сведения о том, конечности у каких животных называются ногами, а у каких – лапами. Так, с хранящимися в индивидуальных речевых системах зрительными образами конечностей коз, свиней или слонов в сознании говорящих по-русски ассоциативно связано слово *нога*, а с образами конечностей кошек, собак или медведей – слово *лапа*. Однако как привязать совокупность сведений, хранящихся в индивидуальных речевых системах носителей языка, к логически корректной словарной дефиниции? Судя по всему, авторы толкований (2.1)–(2.3) корректного ответа на этот вопрос не нашли, тогда как он получил отражение в толкованиях (2.4) и (2.5). Едва ли толкования слова *лапа*, в которых явно содержится указание на наличие у лапы подвижных пальцев, хранятся в индивидуальных речевых системах людей, говорящих по-русски, однако само это слово ассоциативно привязано к зрительным образам конечностей, имеющих отмеченную особенность.

Еще более интересный пример – это толкования русских слов *мужчина* и *женщина*. Рассмотрим сначала словарные толкования слова *мужчина*:

(3.1) “Лицо, противоположное женщине по полу” (Словарь Д.Н. Ушакова) [4, т. 2, стб. 275];

(3.2) “Взрослый человек, лицо, противоположное женщине по полу” (Словарь С.И. Ожегова) [5, с. 373];

(3.3) “Лицо, противоположное по полу женщине” (Малый академический словарь) [6, т. 2, с. 309];

(3.4) “Лицо, противоположное по полу женщине” (Большой толковый словарь русского языка) [10, с. 562];

(3.5) “Лицо, противоположное женщине по полу” (Словарь С.И. Ожегова – Н.Ю. Шведовой) [3, с. 361].

Как видим, подавляющее большинство толковых словарей русского языка определяют *мужчину* как лицо, противоположное по полу *женщине*, однако, в чем состоит эта противоположность, не формируют. Если представить себе в качестве пользователя словаря иностранца, находящегося

за пределами России и изучающего русский язык только по книгам, то он может так и остаться в неведении о том, что означает слово *мужчина*.

Попробуем, однако, теперь проанализировать, как определяют словари слово *женщина*:

(4.1) “Лицо, противоположное мужчине по полу” (Словарь Д.Н. Ушакова) [4, т. 1, стб. 858];

(4.2) “Лицо, противоположное по полу мужчине” (Словарь С.И. Ожегова) [5, с. 183];

(4.3) “Лицо, противоположное по полу мужчине” (Малый академический словарь) [6, т. 1, с. 478];

(4.4) “Лицо, противоположное по полу мужчине” (Большой толковый словарь русского языка) [10, с. 303];

(4.5) “Лицо, противоположное мужчине по полу, та, <ото>ражает детей и кормит их грудью” (Словарь С.И. Ожегова – Н.Ю. Шведовой) [3, с. 187].

И здесь все толкования, кроме толкования (4.5), к сожалению, по не вполне понятным причинам недостаточно информативны, поскольку, указывая на то, что женщина противоположна по полу мужчине, не сообщают, в чем же именно состоит эта противоположность. Между тем, в той информации, которую содержит толкование (4.5), нет ничего неприличного, как нет и никакого несоответствия действительности – разумеется, если помнить, что толкования любых лексических значений отражают признаки не всех, а только “прототипических” объектов [11], в данном случае “прототипических” женщин – тех из них, которые рожают детей и кормят их грудью.

Еще одним проявлением некорректного обобщения при построении толкований слов материала индивидуальных речевых систем является включение в эти толкования энциклопедической информации. Сопоставим с этой точки зрения следующие два толкования слова *собака*:

(5.1) “Четвероногое прирученное или домашнее животное, издающее характерные звуки (лай) и служащее человеку в домашнем быту, преимущественно для охраны имущества, на охоте для отыскивания и преследования зверя или птицы и т.д.” (Словарь Д.Н. Ушакова) [4, т. 4, стб. 329];

(5.2) “Домашнее животное семейства псовых” (Словарь С.И. Ожегова – Н.Ю. Шведовой) [3, с. 728].

Очевидно, что предпочтение следует отдать толкованию (5.1). Что же касается толкования (5.2), то опора его авторов не на индивидуальные речевые системы носителей языка, а на неизвестный большинству этих носителей зоологический

термин *семейство псовых* никаких полезных для пользователей словаря сведений не несет. Напомним, что, призывая лексикографов не использовать в толкованиях слов той специальной энциклопедической информации, которая не соответствует знаниям рядовых носителей языка, Л.В. Щерба писал: “<...> нужно помнить, что нет никаких оснований навязывать общему языку понятия, которые ему вовсе не свойственны и которые – главное и решающее – не являются какими-либо факторами в процессе речевого общения” [1, с. 281].

4. Заключение

Из всего сказанного вытекает, что в соответствии с концепцией Л.В. Щербы важнейшим ресурсом, обеспечивающим речевую деятельность человека, является не знание системы языка, а языковой материал. Он представляет собой “совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы” [1, с. 26]. В той мере, в какой языковой материал получает отражение в памяти каждого отдельного носителя языка, он формирует индивидуальные речевые системы, обеспечивающие каждому человеку способность к рецепции и продукции речи. Рассматриваемый же во всей своей совокупности языковой материал создает основу для описания языковых систем, т.е. для построения словарей и грамматик данного языка.

Индивидуальные речевые системы – это явление психофизиологического характера: содержательная сторона компонентов индивидуальных речевых систем хранится в памяти носителей языка в форме чувственных образов и знаний о свойствах обозначаемых объектов. Что же касается языковой системы, то она представляет не что иное, как описание языка, и потому описание плана содержания ее единиц должно носить преимущественно словесный характер.

Любые попытки описания языковой системы на основе всего существующего языкового материала, как мы попытались показать, на практике недостижимы. Обычно словари и грамматики составляются на основании не всего языкового материала, а на основе ограниченного материала, отражающего индивидуальные речевые системы определенного количества носителей языка. При составлении толковых словарей это обстоятельство вызывает появление не вполне корректных толкований слов, обусловленное недостаточным количеством использованного языкового материала или ошибками, допущенными при его анализе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Под ред. Л.Р. Зиндера и М.И. Матусевич. Л.: Наука, 1974.
2. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1995.
4. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1–4. М.: Советская энциклопедия, 1935. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1940.
5. Словарь русского языка / Составил С.И. Ожегов. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1949.
6. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1981–1984.
7. Большой академический словарь русского языка. Т. 2. СПб.: Наука, 2005.
8. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка Т. 1–4. М.: Прогресс, Универс, 1994.
9. Добродомов И.Г., Пильщиков И.А. Лексика и фразеология "Евгения Онегина": Герменевтические очерки. М.: Языки славянских культур, 2008.
10. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2002.
11. Вежбицкая А. Прототипы и инварианты // А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание / Отв. ред. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996.
2. Gasparov, B.M. *Yazyk, pamyat, obraz: Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, Memory, Image: Linguistics of Linguistic Existence]. Moscow, New Literary Review Publ., 1996. (In Russ.)
3. Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Russian Explanatory Dictionary]. Moscow, Az Publ., 1995. (In Russ.)
4. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka. Pod red. D.N. Ushakova. T. 1–4* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. Edited by D.N. Ushakov, Vol. 1–4]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1935. Moscow, State Publishing House of Foreign and National Dictionaries Publ., 1940. (In Russ.)
5. *Slovar russkogo yazyka. Sostavil S.I. Ozhegov* [Russian Dictionary. Compiled by S.I. Ozhegov]. Moscow, State Publishing House of Foreign and National Dictionaries Publ., 1949. (In Russ.)
6. *Slovar russkogo yazyka. Pod red. A.P. Evgenjevoj. T. 1–4* [Dictionary of the Russian Language. Edited by A.P. Evghenieva. Vol. 1–4]. Moscow, Russkij Yazyk Publ., 1981–1984. (In Russ.)
7. *Bolshoj akademicheskij slovar russkogo yazyka. T. 2* [The Great Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 2]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. (In Russ.)
8. Dahl, V. *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka T. 1–4* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language Vol. 1–4]. Moscow, Progress, Univers Publ., 1994. (In Russ.)
9. Dobrodomov, I.G., Pilshchikov, I.A. *Leksika i frazeologiya "Evgeniya Onegina": Germenevticheskie ocherki* [Vocabulary and Phraseology of "Eugene Onegin": Hermeneutical Essays]. Moscow, Languages of Slavic cultures Publ., 2008. (In Russ.)
10. *Bolshoj tolkovyy slovar russkogo yazyka. Gl. red. S.A. Kuznecov* [The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language. Editor-in-Chief S.A. Kuznetsov]. St. Petersburg, Norint Publ., 2002. (In Russ.)
11. Vezhbitskaya, A. *Prototipy i invarianty* [Prototypes and Invariants]. Vezhbitskaya, A. *Yazyk. Kultura. Poznanie. Otv. red. M.A. Krongauz* [Language. Culture. Cognition. Ed. by M.A. Krongauz]. Moscow, Russian Dictionaries Publ., 1996. (In Russ.)

REFERENCES

Дата поступления материала в редакцию: 8 декабря 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 13 декабря 2022 г.

Статья принята к публикации: 15 декабря 2022 г.

Дата публикации: 28 февраля 2023 г.

Received by Editor on December 8, 2022

Revised on December 13, 2022

Accepted on December 15, 2022

Date of publication: February 28, 2023